

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-6-50-67



А.В. Антощенко

ГОДЫ СТУДЕНЧЕСТВА АКАДЕМИКА П.Г. ВИНОГРАДОВА

A.V. Antoshchenko

STUDENT YEARS OF ACADEMICIAN P.G. VINOGRADOFF

Аннотация. В статье характеризуется значение периода студенческой учебы в Московском университете для будущей карьеры российско-британского историка Павла Гавриловича Виноградова (1854–1925), ставшего членом Петербургской Академии наук и Лондонского королевского общества. Источниковую основу исследования составили официальные документы из фонда Московского университета и эго-документы — переписка, дневники и воспоминания. Результаты исследования представлены в форме «насыщенного описания», раскрывающего культуру высшего образования в Российской империи начала 1870-х гг. Домашняя подготовка под руководством отца, а также окончание Московской 4-й мужской гимназии с золотой медалью стали надежным основанием для овладения Павлом Виноградовым университетским курсом на историко-филологическом факультете Московского университета. Автор характеризует не только успехи в изучении отдельных дисциплин, но и влияние на молодого студента профессоров, а главное — практик их образовательной деятельности и взаимоотношений. Среди профессоров особое влияние на него оказали те, кто вел активную исследовательскую работу, — С.М. Соловьев, Ф.И. Буслав и, особенно, В.И. Герье, чьим учеником Павел Виноградов стал с первого года обучения. Под влиянием В.И. Герье определились научные интересы студента. Система лекционных курсов и недавно внедренные в практику преподавания семинары учителя стали образцом, который будет совершенствовать ученик, сам ставший впоследствии профессором Московского университета. Домашние собрания Н.И. Стороженко были воспроизведены П.Г. Виноградовым в начале 1890-х гг., создав основу для оформления Исторического общества при Московском университете. Автор статьи приходит к выводу, что именно овладение образовательными практиками, а не оценочные показатели успехов по тем или иным дисциплинам имели

Антощенко Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Петрозаводского государственного университета
Antoshchenko Aleksandr Vasil'evich, Doctor in History, Professor, Department of Russian History, Petrozavodsk State University
antoshchenko@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2366-3750

решающее значение для успеха дальнейшей карьеры историка. Разойдясь с учителем в теоретико-методологических взглядах на принципы изучения прошлого, он, тем не менее, стал продолжателем дела В.И. Герье, совершенствуя приемы научно-педагогической школы «всеобщих историков» Московского университета.

Ключевые слова: Московский университет, историко-филологический факультет, университетский устав 1863 г., семинарские занятия, В.И. Герье, С.М. Соловьев, Ф.И. Буслаев, Н.И. Стороженко.

Abstract. The article reveals the importance of the period of student studies at Moscow University for the future career of the Russian and British historian Pavel Gavrilovich Vinogradoff (1854–1925), who became a member of Saint Petersburg Academy of Sciences and the Royal Society of London. The research source base was made up of official documents from Moscow University collection and ego-documents, i.e. correspondence, diaries and memoirs. The results are presented in the form of a “thick description”, revealing the culture of higher education in the Russian Empire in the early 1870s. Home training under the guidance of his father, as well as graduation from the 4th men’s gymnasium in Moscow with a gold medal became a reliable basis for Pavel Vinogradoff’s mastery of the university course at the Department of History and Philology at Moscow University. The author characterizes not only the successes in the study of individual disciplines, but also the influence of professors, and most importantly, practices of their educational activities and relationships. He was especially influenced by those professors who were active in research — S.M. Solovyov, F.I. Buslaev, and, especially, V.I. Guerrier, whose disciple Pavel Vinogradoff became from the first year of his study. His scientific interests were formed under Guerrier’s influence. The system of lecture courses and the professor’s seminars recently introduced into the practice of teaching became a model to be perfected by the student, later himself a professor at Moscow University. N.I. Storozhenko’s home meetings were renewed by P.G. Vinogradoff in the early 1890s and created the basis for the Historical Society at Moscow University. In the author’s opinion, it was the mastery of educational practices, rather than evaluative indicators of success in certain disciplines that were crucial to the success of Vinogradoff’s future career. Diverging from his teacher’s theoretical and methodological views on the principles of studying the past, nevertheless he, as a successor of Guerrier’s work, improved the methods of the scientific and pedagogical school of Moscow University’s “world historians”.

Keywords: Moscow University, Faculty of History and Philology, 1863 University Statute, seminar classes, V.I. Guerrier, S.M. Solovyov, F.I. Buslaev, N.I. Storozhenko.

* * *

Студенческие годы воспринимаются не только как яркий, незабываемый период жизни, но и как время определения будущего жизненного пути. Особую роль они играют в судьбах тех, кто впоследствии добивается значительных успехов в выбранной в молодости специальности. Если последняя связана с наукой, то

показателем правильности сделанного в юности выбора и успешности ученого является признание заслуг, которое в исключительных случаях может выражаться в избрании его членом Академии наук. Это в полной мере относится к известному российско-британскому историку и правоведу Павлу Гавриловичу Виноградову (1854–1925), ставшему членом Петербургской Академии наук и Лондонского Королевского общества. В многочисленных статьях и монографиях о знаменитом ученом его учеба в Московском университете упоминается как период, определивший его последующую судьбу¹. Однако конкретных данных даже о результатах учебы не приводится, кроме указания на роль учителя — профессора Владимира Ивановича Герье². Предлагаемая вниманию читателей статья нацелена на устранение этого пробела. Вопросы, на которые она отвечает: каково было значение студенческих лет П.Г. Виноградова для его будущей научной и педагогической карьеры, что он вынес из четырехлетнего обучения в Московском университете помимо полученных знаний? Источниковой базой для исследования послужили как официальные документы, отложившиеся в фонде этого университета в Центральном государственном архиве города Москвы (Ф. 418), так и эго-документы — воспоминания, переписка и дневники самого П. Г. Виноградова, а также тех, кто хорошо знал его в годы учебы и позже. Методологической основой изучения материала послужили положения «персональной истории»³, а результаты представлены с использованием нарратологической техники «насыщенного описания».

¹ См. подробную библиографию в монографии: Антощенко А.В. Русский либерал-англофил Павел Гаврилович Виноградов. Петрозаводск, 2010. С. 9–16. Ср. с новейшими публикациями: Котова Е.С., Ширяева С.В. Всеобщая история права профессора Павла Гавриловича Виноградова // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2015. № 4. С. 74; Речкович С.А. Политико-правовые взгляды Павла Гавриловича Виноградова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 13. С. 44–45; Аргунов Б.Б. Теоретико-методологические основы концепции общей теории права П.Г. Виноградова: основные этапы формирования // Право и государство: теория и практика. 2016. № 11 (143). С. 10; O'Brien N. "In vino veritas": truth and method in Vinogradoff's historical jurisprudence // Journal of Legal History. 2008. Vol. 29. N 1. P. 44; Terradas Saborit I. Paul Vinogradoff (1854–1925) y la antropología jurídica // Ius fugit. Revista interdisciplinar de estudios histórico-jurídicos. 2015. N 18. P. 11.

² Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 82–83; Он же. Сообщество московских всеобщих историков во второй половине XIX века // Terra Eupora: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века. М., 2014. С. 129–130; Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 175–176.

³ Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня. М., 2005. С. 55–74.

Начальное обучение Павла Виноградова проходило дома под руководством его отца — Гавриила Киприановича, выпускника столичного Педагогического института, преподавателя истории, а затем и директора Костромской мужской и ряда женских гимназий в Москве⁴. Исходя из собственного опыта, во главу угла домашних занятий сына он поставил изучение иностранных языков, способность к успешному овладению которыми проявилась у него самого еще в годы учебы в институте. Г.К. Виноградов знал 12 иностранных языков (древних и новых, как их классифицировали тогда). Павел «с пяти лет знал по нем[ецки] и франц[узски], с 15-ти — по англ[ийски], итал[ьянский] изучил уже в университете»⁵. К концу жизни он достиг отца по числу изученных иностранных языков⁶.

За языками следовали остальные науки. Искусства тоже входили в программу образования, как называли в то время процесс формирования личности ребенка, что предполагало не простое овладение им знаниями, но и нравственное и эстетическое его совершенствование. Поэтому в детские годы Павел учился под руководством специально приглашенных учителей рисованию, каллиграфии, музыке, танцам, гимнастике, а также фехтованию⁷. Последнее занятие было в какой-то мере данью традиции дворянского воспитания.

Павлу шел двенадцатый год, когда он, успешно сдав экзамены, был зачислен в четвертый класс Московской 4-й мужской гимназии. Хотя у него был учитель, который преподавал ему русский язык (студент Богоявленский), отец сам подготовил сына к экзаменам в гимназию по русской словесности, истории и латыни⁸. В гимназии Павел учился вполне успешно. В аттестате, подписанном директором и всеми преподавателями гимназии летом 1871 г., отмечались не только отличные успехи по всем предметам, что давало ему «право поступления в студенты университета» без дополнительных испытаний, но и то, что педагогический совет «удостоил его награды золотой медалью, каковая награда на основании § 121 Устава гимназии, дает право Виноградову на чин XIV класса при вступлении в гражданскую службу. Поведения он во время учения в гимназии был отличного»⁹, — так завершалась его характеристика в выпускном свидетельстве.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 80.

⁵ *Соболев А.Л.* Дневниковые записи М.О. Гершензона (1894–1895, 1906/1907) // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 25.

⁶ *Круг Е.Н.* Детство и отрочество П.Г. Виноградова (из семейной хроники) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 5. Омск, 2009. С. 295, 302.

⁷ Там же. С. 302.

⁸ Там же. С. 307.

⁹ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 40. Д. 278. Л. 3–3 об.

Хотя блестящий гимназический аттестат давал право на продолжение образования, первое прошение о зачислении его в Московский университет было отклонено «за молодостью лет», поскольку П.Г. Виноградову было лишь 16, тогда как в университет по уставу зачислялись «молодые люди, достигшие 17-тилетнего возраста»¹⁰. Юноша собрался было поступить в Александровское военное училище, но, в конечном счете, после вторичного ходатайства его отца Министерство народного просвещения дало распоряжение принять Павла Виноградова на историко-филологический факультет Московского университета.

В соответствии с требованиями «Правил о приеме в студенты», к прошению на имя ректора были приложены помимо аттестата «копия с протокола о дворянстве, выданная из Костромского Дворянского Депутатского Собрания», и «метрическое свидетельство о рождении, выданное из Костромской Духовной Консистории». Правилами предусматривалось также предоставление свидетельства о хорошем поведении от местной полиции, что, впрочем, не требовалось от тех, кто поступал «немедленно по выходе из казенного учебного заведения, которое обозначает их поведение в аттестате»¹¹. Однако «на основании § 100 Университетского Устава» вчерашний гимназист дал «подписку в том, что во все время пребывания в Университете будет подчиняться правилам и постановлениям Университетским»¹². Последнее, впрочем, было излишним, так как главное внимание начинающий студент сосредоточил на учебе. «Уже тогда, — вспоминал его университетский друг-старшекурсник, а впоследствии коллега и известный историк Николай Иванович Кареев, — в нем и внешним образом проявилась известная степенность (солидность) взрослого человека, знающего себе настоящую цену, а товарищи прямо даже говорили о его важности и ею объясняли то, что он держал себя далеко от увлечений тогдашней студенческой молодежи. Я не говорю уже об увлечениях политических, которые были ему совершенно чужды»¹³.

Университетский устав 1863 г., при действии которого П.Г. Виноградов учился и делал первые шаги на преподавательском поприще в Московском университете, обычно справедливо характеризуют в

¹⁰ ПСЗ. Собр. 2. Т. 38. Отд. 1. 1863. С. 624.

¹¹ См. о требованиях: Отчет о состоянии и действиях императорского Московского университета (далее — Отчет...) в 1868–69 академическом и 1869 гражданском году. М., 1870. С. 30.

¹² ЦИА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 40. Д. 278. Л. 2.

¹³ Кареев Н.И. Из воспоминаний о П.Г. Виноградове // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1995. № 1. С. 81.

исследовательской литературе как либеральный¹⁴. При этом отмечаются черты относительной автономии профессорской корпорации, осуществлявшей самоуправление через систему выборных должностей и органов. Однако либерализм устава, как представляется, следует рассматривать шире, поскольку речь должна идти также о самопополнении корпорации профессоров в условиях утверждения классической модели университетского обучения, предполагающей образование через науку, соединение преподавания и исследовательской работы. Последняя невозможна без свободного, творческого и в то же время критического отношения к действительности, которая служит основой для формирования предметов исследования.

Именно направленность на усиление научной подготовки в университетах следует учитывать в первую очередь при рассмотрении причин принятия и результатов воздействия устава 1863 г. на университетское образование в России, а не студенческие волнения или трансферт на российскую почву тех или иных особенностей западноевропейских учебных систем. В пользу такого взгляда свидетельствует даже простое внешнее сравнение текстов университетских уставов 1835 и 1863 гг. Если первый из них среди предметов «ведения» факультетов, в рамках которых строился процесс обучения, предполагал лишь три, в той или иной степени связанных с исследовательской деятельностью, то второй — не только закрепил их, но и почти утроил. Среди такого рода предметов «занятий факультетских собраний» назывались: «меры к усилению учебной деятельности студентов»; «одобрение сочинений, издаваемых университетом»; «предположения о разделении факультета на отделения, соединении и разделении кафедр и замене одних из них другими, и определение, которые из предметов преподавания должны быть обязательными для студентов»; «выбор лиц для оставления при университете в качестве стипендиатов»; «избрание лиц, предназначенных к посылке за границу для приготовления к профессорскому званию»; «одобренные или неодобренные диссертации на ученые степени»; «избрание задач, назначаемых для соискания премий от университета за общие ученые труды, также и ежегодных задач, предлагаемых на решение

¹⁴ *Зайцева Л.А.* Общий устав университетов 1863 г.: предыстория, характеристика, значение // *Lex Russica* (Русский закон). 2016. № 9 (118). С. 214–229; *Киселев И.В.* Общий устав императорских российских университетов от 18 июня 1863 г. // *Universum: общественные науки*. 2022. № 4 (83). С. 4–6; *Макимова В.М.* Система управления Московским университетом по уставу 1863 г. // *Вестник Московского университета*. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2017. № 2. С. 110–133; *Новиков М.В., Перфилова Т.Б.* Университетский устав 1863 г.: пределы академического самоуправления // *Ярославский педагогический вестник*. 2013. Т. 1. № 4. С. 18–31; *Томсинов В.А.* Подготовка и проведение университетской реформы 1863 года // *Университетская реформа 1863 года в России*. М., 2012. С. LXVIII–CXVII.

студентам и суждение о представляемых на оные суждениях»; «назначение стипендий и присуждение медалей студентам»¹⁵.

П.Г. Виноградов начал учиться в Московском университете в 1871 г., когда рассчитанный на четыре года процесс введения устава 1863 г. формально уже завершился. Однако утверждение его духа продолжалось, в чем значительную роль играли профессора историко-филологического факультета. В их списке значились имена доктора исторических наук, политической экономии и статистики Сергея Михайловича Соловьева, также «исполнявшего должность» ректора; доктора русской истории Нила Александровича Попова, бывшего деканом историко-филологического факультета; доктора всеобщей истории Владимира Ивановича Герье, доктора римской словесности Гавриила Афанасьевича Иванова, доктора санскритской словесности Павла Яковлевича Петрова, доктора философии Михаила Семеновича Куторги, докторов русской словесности Федора Ивановича Буслаева и Николая Саввича Тихомирова, доктора славянский наречий Александра Львовича Дювернуа, доктора теории и истории искусств Карла Карловича Герца и магистров богословия Александра Михайловича Иванцова-Платонова и Памфила Даниловича Юркевича.

Отмечая тех, кто оказал наиболее значимое влияние на него в годы студенчества, П.Г. Виноградов называл профессоров, которые сочетали преподавательскую работу с исследовательской деятельностью¹⁶. Прежде всего это был С.М. Соловьев, который параллельно чтению лекционных курсов по русской истории ежегодно публиковал новый том «Истории России» (в эти годы вышли тома XXI–XXIV) и очерки «Наблюдения над исторической жизнью народов» в «Вестнике Европы», а также прочитал в 1872 г. публичный курс лекций о Петре Великом, где обобщил исследования реформаторских преобразований первого российского императора. У Ф.И. Буслаева начинающий студент прослушал курс, представлявший результаты сравнительного изучения профессором народного быта и поэзии. Под его руководством было написано курсовое сочинение о Беовульфе на втором курсе¹⁷. Много позже, вскоре после смерти Федора Ивановича, П.Г. Виноградов вспоминал: «Он был одним из тех избранных, которые умеют вдохнуть свои идеи ученикам и возбудить в них горячую любовь к делу. <...> На одном из тех “воскресений”, в которые у Федора Ивановича собирались и студенческая молодежь,

¹⁵ См.: ПСЗ. Собр. 2. Т. 38. Отд. 1. 1863. С. 624–625.

¹⁶ См.: Материалы для биографического словаря действительных членов императорской Академии наук (далее — Материалы ...). Т. 3. Ч. 2. Пг., 1917. С. 293.

¹⁷ См.: *Соболев А.Л.* Указ. соч. С. 26.

и известные ученые, мне пришлось слышать, как Федор Иванович с восторгом говорил о Якове Гримме. Он выражал удивление его громадной работе, захватившей и язык, и мифологию, и народную поэзию, и юридические древности. Сам Федор Иванович был своего рода Яковом Гриммом для России»¹⁸. Нетрудно заметить, что отмеченная П.Г. Виноградовым «поразительная многосторонность и плодovitость», как и «цельность души и таланта» Ф.И. Буслаева, стали для него образцом для подражания.

Однако наиболее важными для студента являлись занятия под руководством тогда еще сверхштатного ординарного профессора В.И. Герье, у которого Павел последовательно прослушал лекции по всем разделам всеобщей истории — древней, средней и новой. Оценивая позже влияние своего учителя, П.Г. Виноградов, будучи уже зрелым ученым, отмечал: «Я слушал Вас в “Словесной внизу”, когда в эту небольшую аудиторию собирался весь филологический факультет. Вы излагали предмет просто, дельно, безыскусственно, не стремясь привлечь внешними прекрасными и блестящими. Но в Вашем изложении было столько правды и смысла, богатое содержание так тесно облегало руководящие идеи курсов, что аудитория у Вас не таяла, как это слишком часто бывает, а с возрастающим интересом следила за развитием исторической драмы»¹⁹. Действительно, В.И. Герье удалось, по справедливому замечанию Д.А. Цыганкова, создать целостную систему «соподчиненных» лекционных курсов²⁰, в чтение которых со временем предстояло включиться и его ученику. Причем способность читать лекции по любому из разделов всеобщей истории позволяла им подменять друг друга, создавая условия для длительных командировок за границу для работы в архивах и библиотеках изучаемых стран.

Сформировавшееся еще на студенческой скамье убеждение в важности значения лекций как формы обучения, пробуждающей интерес к знаниям, представляющей слушателям образец обобщения результатов исследований коллег и, возможно, своих собственных, дающей четкое представление о приемах аргументации в науке, П.Г. Виноградов отстаивал впоследствии. «Лекции, — замечал он в 1901 г., — всегда сохраняют свое громадное значение для общего ознакомления с науками <...>. Ни книги, ни учебники никогда их не заменят. Помимо личной талантливости изложения, которая играла

¹⁸ Виноградов П.Г. Памяти Буслаева // Памяти Федора Ивановича Буслаева. М., 1898. С. 43–44.

¹⁹ Виноградов П.Г. Речь на обеде по случаю 40-летней годовщины ученой деятельности В.И. Герье // НИОР РГБ. Ф. 70. К. 68. Ед. хр. 9. Л. 1–2.

²⁰ Цыганков Д.А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 53.

и играет слишком видную роль в университетской жизни, чтобы ее можно было игнорировать, — профессорские курсы, даже средние, представляют незаменимое руководство, потому что каждый из них является в результате не только научного знания, но приспособления к условиям данного времени и места, чем не может быть книга даже отличная»²¹.

Указание на значение книг, изучения научной литературы для формирования умения самостоятельно ставить исследовательские проблемы опять же отсылало к студенческому и даже гимназическому опыту начинающего историка. Ученик П.Г. Виноградова, выполнявший некоторое время обязанности его личного секретаря, Михаил Осипович Гершензон зафиксировал в своем дневнике после посещения дома учителя: «В университете он много читал. Я видел несколько тетрадей, озаглавленных: Memoranda, с номерами 39 и 40 и т. д., содержащих изложение прочитанного; здесь Lesky, Neumann (история Америки), речи лорда Чатама, антропология и проч. Три тома Лекки были прочитаны, если хорошо помню, между 3 и 21 июля 1872 (3?) года; на каждой тетради надпись, когда начато, когда окончено»²². Упоминание о раннем, с гимназической скамьи, пристрастии к чтению «серьезных» книг и влиянии самостоятельно изученных работ известных историков на формирование научного мировоззрения П.Г. Виноградова в студенческие годы содержится во всех очерках его биографии²³.

Однако более важными, чем лекции или самостоятельное изучение научной литературы, для пробуждения исследовательского дара учащегося стали семинарские занятия. «Семинарии», как их называли тогда, для историков в Московском университете были введены В.И. Герье по примеру немецких коллег, с опытом которых он познакомился во время заграничной стажировки в 1862–1865 гг. Примером ему послужили занятия, проводимые в Берлинском университете Леопольдом фон Ранке, который на своем еженедельном публичном курсе заставлял студентов читать и объяснять немецкого летописца XI в. Адама Бременского. «Слушатели обязаны также, — отмечал в отчете о ходе стажировки В.И. Герье, — представить в течение полугодия по одному сочинению (обыкновенно критическая разработка какой-нибудь летописи), которое разби-

²¹ Виноградов П.Г. Учебное дело в наших университетах // Русская мысль. 1901. Т. V. Октябрь. С. 569.

²² Соболев А.Л. Указ. соч. С. 25–26.

²³ Ср.: Кареев Н.И. Виноградов, Павел Гаврилович // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 6. СПб., 1904. С. 68; Он же. Из воспоминаний о П.Г. Виноградове. С. 75; Материалы... С. 293; Fisher H.A.L. Paul Vinogradoff: A Memoir // Collected Papers of Paul Vinogradoff. Vol. 1. New York, 1995. P. 6; и др.

рается публично»²⁴. Позже, в воспоминаниях, он отметил значение для формирования своей методики проведения занятий значение семинария Рудольфа Кёпке, учившегося в свое время у Л. фон Ранке и разбиравшего на занятиях со студентами летописи Лиудпранда (X век)²⁵. Аналогичным образом В.И. Герье стал проводить семинарии со студентами историко-филологического факультета Московского университета после своего возвращения в Россию в 1865 г.²⁶

В 1871/1872 академическом году, т.е. в первый год обучения Павла Виноградова в Московском университете, «на историко-филологическом факультете к существующим уже мерам для развития деятельности студентов присоединились, по утверждению г. Министром, разделения 4-го курса на специальные отделения»: классическое, русское и историческое, что обеспечило 1) увеличение числа часов исторического и русского семинария; 2) назначение ежегодно трех тем для соискания медалей, вместо одной»²⁷. В результате у В.И. Герье появилась возможность придать систематический характер, вслед за лекциями, и семинарским занятиям. Надежную документальную основу для их проведения составили подготовленные молодым профессором и опубликованные в эти годы хрестоматии²⁸, которые заменили изданные ранее Михаилом Матвеевичем Стасюлевичем сборники материалов, содержавшие множество ошибок.

Это позволило П.Г. Виноградову с первого курса сосредоточить свои занятия в семинарии В.И. Герье, где он с увлечением втянулся в работу над источниками и литературой. «Как руководитель этих занятий, — оценивал позднее роль учителя его уже зрелый ученик, — Вы сумели достигнуть двух трудно соединимых вещей: по-

²⁴ Извлечения из отчетов лиц, отправленных министерством народного просвещения за границу для приготовления к профессорскому званию. Ч. 1 (август 1862 г. по март 1863 г.). СПб., 1863. С. 423.

²⁵ *Герье В.И.* Детство. Учение до получения кафедры // *История и историки*. М., 1990. С. 427.

²⁶ См.: *Корева Н.С.* Заграничные командировки и их роль на пути к «нелегкому и ответственному профессорству»: В.И. Герье // *История идей и воспитание историй: Владимир Иванович Герье*. М., 2008. С. 84–94; *Иванова Т.Н.* Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009. С. 81–89; *Цыганков Д.А.* Семинар как новое явление на историко-филологическом факультете Московского университета в 1860-е — начале 1870-х гг. // *Вестник Московского университета*. Серия 8. История. 2023. № 1. С. 53–54.

²⁷ Отчет... в 1871–72 академическом и 1872 гражданском году. М., 1873. С. 17.

²⁸ См.: “*Leges barbarorum*” и «Хрестоматия средневековых исторических и юридических памятников» в «Московских университетских известиях» за 1870–1872 гг. Позже, уже став признанным специалистом по ранней средневековой истории, П.Г. Виноградов сам издал в соавторстве с М.Ф. Владимирским-Будановым аналогичный сборник законодательных памятников древнего западно-европейского права / Изд. под ред. П.Г. Виноградова и М.Ф. Владимирско-Буданова. Т. 1–3. Киев, 1906–1908.

становкой тем, ведением прений Вы придавали серьезное научное направление всему делу и в то же время предоставляли широкий простор собственной инициативе участников и свободе мнений»²⁹. Так поставленный семинарий выступал формой обучения умению не только критиковать и интерпретировать исторические источники, но и вести научные диспуты, отстаивать собственные положения и выводы. Позже, обогатив свой опыт работы в семинарах у немецких историков Т. Моммзена и Г. Бруннера во время стажировки в Берлинском университете, П.Г. Виноградов усовершенствовал систему «семинариев» своего учителя, а после отставки и переезда в Англию ввел ее и в Оксфордском университете.

Об успехах первого года учебы в университете студента Павла Виноградова свидетельствовал «Сводный список баллов студентов историко-филологического факультета за все четыре курса». Напротив всех предметов, изученных в этот год — богословие, латинский, греческий и церковно-славянский языки, истории древнерусской и новой русской литературы, древняя и средняя истории, красовалась красная «пятерка»³⁰.

Лето после завершения первого года обучения Павел провел за городом, в селе Медведково, которое тогда еще отделялось от Москвы обширным и красивым сельским ландшафтом. Виноградовы впервые выезжали тогда на дачу, потом они ездили на эту дачу несколько лет подряд. Юноша, попав первый раз в жизни в деревню, наслаждался окружающей его природой. По свидетельству племянницы П.Г. Виноградова Елены Николаевны Круг: «Ширь и простор полей, красота среднерусского пейзажа очаровывают его на всю жизнь. В дальнейшем он ищет новых и новых впечатлений. Он неутомимый путник по пешеходным дорогам, великолепный пловец, наездник, охотник... Он всегда готов странствовать... Весной трудно его удержать в Москве, в городе. “Нет лучше нашей русской весны в деревне”, — всегда говорил он»³¹. Однако летние месяцы отдавались не только отдыху на природе или игре в крокет со сверстниками. Захватив с собой коробку с книгами, Павел изучил их за летние месяцы, готовясь к занятиям следующего академического года.

На втором курсе его знания латинской поэзии, логики (включая сочинение), психологии, русской истории и истории русской литературы, древней и средней истории были вновь оценены высшим баллом — 5, правда, по латинскому (проза и упражнения) и греческому языкам он получил 4.

²⁹ Виноградов П.Г. Речь на обеде... Л. 2.

³⁰ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 476. Д. 2. Л. 22.

³¹ Круг Е.Н. Указ. соч. С. 309.

Сам П.Г. Виноградов в своих воспоминаниях особо отметил появление в тот год на историко-филологическом факультете молодого доцента Николая Ильича Стороженко, увлеченного изучением жизни и творчества великого английского драматурга У. Шекспира: «Новый доцент говорил о задачах и методах изучения словесности, настаивал на историческом характере этого изучения. В то время под влиянием Тэна сильно выдвигалась необходимость исследования среды и культурных традиций для объяснения великих произведений литературы»³². И хотя начинающий историк относился к ставшему популярным в то время французскому историку И. Тэну и его теории «случая» в отношении к шекспировским трагедиям без особого пиетета, чтение работ Г. Ульрици и Г.Г. Гервинуса об У. Шекспире, дававших их психологическую интерпретацию, так же не удовлетворяло его из-за произвольности и беспочвенности их построений. Поэтому «появление молодого ученого, изучавшего Шекспира в связи с его предшественниками и на культурном фоне эпохи Елизаветы, было встречено с живейшим интересом и сочувствием»³³. Хотя к этому времени Павел Виноградов уже четко определился с направленностью своих занятий, выбрав историческое, а не филологическое отделение факультета, тем не менее, он решил прослушать лекции Н.И. Стороженко, читанные им для студентов-первокурсников. Предметом курса являлась литература итальянского Возрождения, что позволило Виноградову расширить кругозор за пределы изящной словесности до горизонтов общей истории культуры.

С именем Н.И. Стороженко в воспоминаниях П.Г. Виноградова связывалось и другое новшество в жизни преподавателей и студентов историко-филологического факультета, которое оказалось значимым для Павла Гавриловича как зарождение новой традиции взаимоотношений между ними. Сам он позже стал ее продолжателем. Речь идет о так называемых журфиксах (от французского “jour fixe”, т.е. установленный для собраний день). Указывая на слабое развитие общения между профессорами и студентами в годы его учебы в Московском университете, П.Г. Виноградов всё же отмечал некоторые особенности «собраний на дому» у разных профессоров. Его восприятие отличалось от достаточно скептического отношения Н.И. Кареева к собраниям у их учителя В.И. Герье в Гагаринском переулке, на которых старший ученик не захотел «показывать себя перед барышнями» как «занимающийся молодой человек», отказав-

³² Виноградов П.Г. Воспоминания о Н.И. Стороженке // Памяти Н.И. Стороженка. М., 1909. С. 79–80.

³³ Там же.

шись участвовать в них³⁴. П.Г. Виноградов считал эти собрания интересными, но имеющими «скорее характер учебных “практических занятий”»³⁵. Уже упоминавшиеся воскресные собрания у Ф.И. Бушлаева, по мнению П.Г. Виноградова, имели тот недостаток, что на них бывал лишь кое-кто из студентов, а главными гостями являлись профессора и начинающие ученые. Следствием такого состава было то, что «здесь дело сводилось главным образом к непринужденной беседе, в которой естественно преобладали сам Федор Иванович и старшие из гостей»³⁶. Журфиксы у Н.И. Стороженко, напротив, напоминали П.Г. Виноградову «нечто вроде кружка самообразования с равноправным участием профессоров и их учеников», собрания которого устраивались «для чтения и обсуждения рефератов на самые разнообразные темы из круга общественных наук, литературы, философии»³⁷. Именно таким образом стал проводить уже у себя на дому собрания с лучшими студентами и недавними выпускниками Московского университета сам П.Г. Виноградов в начале 1890-х гг.³⁸ Участники этих собраний, с гордостью называвшие себя по имени учителя «павликианами», составили в начале 1893 г. основу Исторического общества при Московском университете.

На третьем году обучения Павла Виноградова постиг самый крупный провал — «тройка» по латинским упражнениям (как знать, может быть неудача при прохождении формальных основ классических языков стала одной из латентных психологических причин его резко отрицательного отношения к классическим основаниям гимназического образования и довольно терпимого отношения к незнанию греческого языка абитуриентами историко-филологического факультета). Успехи в овладении остальными предметами (русская и всеобщая истории, история новой философии, греческий язык и чтение латинских писателей) вновь были оценены «пятеркой»³⁹.

Наиболее значимым успехом четвертого, завершающего года обучения Павла Виноградова в университете стало присуждение ему золотой медали за конкурсное сочинение «Землевладение в эпоху Меровингов»⁴⁰. Поощрение в виде медалей за успехи в овладении науками являлось давней традицией в Московском университете,

³⁴ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 133.

³⁵ Виноградов П.Г. Воспоминания о Н.И. Стороженке. С. 80.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Материалы... С. 296.

³⁹ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 476. Д. 2. Л. 22, 22 об.–23.

⁴⁰ Там же. Оп. 43. Д. 231. Л. 23, 44.

утвердившейся сразу же после его открытия в 1755 г.⁴¹ Университетские уставы 1804 г. закрепили и распространили эту практику на все российские университеты⁴². Общеуниверситетский устав 1835 г. модифицировал и детализировал опыт награждения медалями студентов: если раньше речь шла о поощрении студентов, «отличившихся добронравием и успехами», проявленными по итогам ежегодных испытаний, то теперь предполагалось ежегодно предлагать специально «задачи» от каждого факультета «с назначением, за удовлетворительное во всех отношениях по каждой задаче сочинения, золотой, а за лучшее после того, если оно близко к требуемому достоинству, серебряной медали». И далее подчеркивалось: «При сем будут принимаемы в соображение успехи и нравственность студентов»⁴³. Уставом также была определена процедура подачи и оценки конкурсных сочинений, которые должны были предоставляться декану «в свертке» под девизом с указанием в отдельном запечатанном конверте, кто скрывается под данным девизом. После анонимной оценки сочинения в заседании факультета профессорский совет утверждал это решение и объявлял имена победителей, вскрыв конверт с девизом и соответствующим ему именем. «Раздача медалей» производилась «в торжественном собрании по прочтении составленных в факультетах обозрений содержания присланных на задачи ответов»⁴⁴. Наконец, уставом «дозволялось» печатать по решению совета победившие сочинения «на счет университета»⁴⁵.

Университетский устав 1863 г. вполне в духе времени закрепил эти положения, поместив их в отделение «О сроке учебного курса, испытаниях и поощрительных мерах к учению»⁴⁶ и добавив к медалям еще один, своеобразный вид награждения — «почетный отзыв». Однако более важным было не это расширение поощрительных форм, а повышение их значимости: сочинение, удостоенное медали или поощрительного отзыва, засчитывалось как кандидатская диссертация, что позволяло ее автору при окончании всех испытаний «с отличным успехом» завершить университетское образование со степенью кандидата⁴⁷. Теперь совет решал не только вопрос о публикации таких сочинений, но и о количестве задач, предлагаемых факультетами своим учащимся, что значительно увеличило число конкурсных сочинений.

⁴¹ Букатина Г.Е. Награды императорского Московского университета // Наука и жизнь. 2005. № 3. С. 22.

⁴² См.: ПСЗ. Собр. 1. Т. 28 (1804–1805). С. 582 (§118), 600 (§115), 613 (§115).

⁴³ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 10 (1835). Ч. 1. С. 849 (§103).

⁴⁴ Там же. С. 850 (§105).

⁴⁵ Там же. С. 850 (§106).

⁴⁶ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38 (1863). Ч. 1. С. 632 (§ 96–97).

⁴⁷ Там же. С. 632 (§ 94. Примечание).

Павел подал свое сочинение в установленный срок (до 1 ноября 1874 г.) и оказался единственным претендентом, выполнившим исследование по теме, предложенной по кафедре всеобщей истории В.И. Герье, тогда как на тему, назначенную К.К. Герцем по кафедре теории и истории искусств, было написано две работы⁴⁸. В соответствии с условиями конкурса об анонимности он подал сочинение декану историко-филологического факультета под девизом «Omen» (предзнаменование, знак (*лат.*) — А.А.). Однако письмо ученика учителю, отправленное осенью 1874 г., свидетельствует, что В.И. Герье, несомненно, знал, кто скрывался под этим девизом. В нем Павел Виноградов писал, что надеялся, как в предыдущие два лета, собрать необходимый для исследования материал, но этому помешала болезнь. Из-за нервного напряжения у него произошло «расстройство печени», грозящее в случае отсутствия отдыха от занятий стать хроническим. Вынужденный на летнее время прекратить подготовку к написанию сочинения, он вернулся к нему в начале осени. «Теперь я чувствую себя гораздо лучше: лихорадка, сопровождавшая расстройство печени, прекратилась, и я снова могу приняться за работу, но силы мои пока так незначительны, что, даже если бы не было предписания доктора, я не в состоянии был бы заниматься много, — писал он учителю. — Поэтому, чтобы закончить сочинение, я должен оставить перевод, половина которого уже готова⁴⁹. Даже в сочинении я принужден буду ограничиться одними франками и не успею написать последнего отдела, относящегося до сравнения землевладения франков с землевладением у англосаксов, готов и лангобардов. Вы говорили, давая мне тему, и повторили мне потом, что эта часть необязательна, так что я хоть с формальной точки зрения имею право опустить ее. Я вполне понимаю, какие важные результаты может дать сравнение для понимания состояния землевладения у самих франков, насколько оно должно расширить кругозор, но делать нечего: приходится отказать от многого, чтобы привести в исполнение что-нибудь»⁵⁰. Как видим, успехи в учебе давались отнюдь не легко, но стоили того. В это время у студента Виноградова уже сложилось представление о методологической основе исследования и перспективах сравнительного изучения генезиса феодальных

⁴⁸ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 476. Д. 1. Л. 24–24 об.

⁴⁹ По рекомендации В.И. Герье П.Г. Виноградов выполнял перевод первой книги Ф. Гизо «История цивилизации во Франции» для издательства К.Т. Солдатенкова, что давало ему определенный доход, необходимый для покупки книг, а позже позволило поехать в Германию на стажировку в Берлинском и Боннском университетах.

⁵⁰ Эпистолярное наследие академика П.Г. Виноградова в архивах, библиотеках и музеях России (1874–1924). СПб., 2020. С. 172.

отношений, за чем отчетливо выдвинулись позитивистские принципы изучения исторического материала.

Заключительный год учебы Павла Виноградова в университете был ознаменован также высшими баллами по русской и всеобщей историям, церковной истории и истории древнехристианского искусства, политической экономии, которую читал незадолго до этого ставший сторонним преподавателем университета Виктор Александрович Гольцев, с которым у него впоследствии установились дружеские отношения. В результате Павел окончил курс первым по списку с общим баллом 136 и средним — $4 \frac{24}{28} \frac{51}{51}$. Именно средний балл определял положение в списке выпускников. В этом же году ему была предоставлена «стипендия Потомственного Почетного Гражданина Константина Абрамовича Попова» в размере 300 руб., основанная в 1873 г. для «недостаточных студентов всех факультетов, преимущественно из уроженцев Костромской губернии»⁵².

На основании итогов обучения выпускнику был выдан аттестат: «По Указу Его Императорского Величества от Совета Императорского Московского Университета, Дворянину Павлу Виноградову, в том, что он, по окончании полного курса учения в 4-й Московской Гимназии, с золотою медалью, в Августе месяце 1871 года принят был в число студентов сего Университета, где, при очень хорошем поведении, окончил курс по Историко-Филологическому Факультету, и, за оказанные им отличные успехи, определением Университетского Совета, 31-го Мая сего года состоявшемся, утвержден в степени кандидата. При вступлении в службу, на основании Свода Законов, Том III, Устава о службе гражданской ст. 172 (Изд. 1857 года) он принимается на оную 10-м классом; права же при вступлении в военную службу и на производство его в офицеры согласно § 143, Высочайше утвержденному 18-го Июня 1863 года, общего Устава Университетов, определяются существующими по военному ведомству правилами»⁵³.

Таким образом, за годы университетской учебы П. Г. Виноградов шагнул на четыре ступеньки вверх по служебной лестнице и обрел возможность при желании получить офицерское звание. Однако важнее для него была возможность продолжить самостоятельную научную работу, которой он начал заниматься в семинаре под руководством В.И. Герье. Здесь же определились его исследователь-

⁵¹ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 476. Д. 2. Л. 22 об.–23.

⁵² Ср.: Там же. Оп. 40. Д. 278. Л. 12; Оп. 476. Д. 2. Л. 22 об.; Сборник сведений о стипендиях, пособиях и премиях, находящихся при императорском Московском университете. М., 1901. С. 81.

⁵³ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 418. Оп. 40. Д. 278. Л. 10; Оп. 46. Д. 181. Л. 3–3 об., 10.

ские интересы. Посвященное изучению становления феодальных отношений сочинение П.Г. Виноградова, как уже отмечалось, было удостоено золотой медали, что освободило его при присуждении степени кандидата от написания кандидатской диссертации⁵⁴. Влияние В.И. Герье выразилось скорее в определении тематики научных занятий П.Г. Виноградова. В отношении приемов исследования исторического материала учитель и ученик разошлись. Если В.И. Герье был гегельянцем в своих взглядах на природу исторического процесса, то П.Г. Виноградов увлекся позитивизмом. И хотя он критически относился к стремлениям позитивистов построить целостную философскую систему, их методологические принципы казались ему вполне применимыми к изучению исторического материала. Поэтому, если оценивать значение обучения П.Г. Виноградова в университете с учетом его последующего лидерства в школе московских историков, то придется констатировать, что важнее оказались не усвоенные в годы учебы теоретико-методологические принципы познания прошлого, а те практики, которые цементировали эту школу: включенность в лекционную систему, в рамках которой он вслед за учителем читал лекции по всем разделам всеобщей истории; овладение методическим мастерством проведения семинарских занятий, усовершенствованным затем в немецких университетах; участие в домашних собраниях, ставших позже и его собственной практикой как их организатора, из которой выросло Историческое общество при Московском университете.

References

Antoshchenko A.V. *Russkiy liberal-anglofil Pavel Gavrilovich Vinogradov* [Russian Liberal Anglophile Pavel Gavrilovich Vinogradoff]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 2010. 344 p.

Argunov B.B. *Teoretiko-metodologicheskiye osnovy kontseptsii obshchey teorii prava P.G. Vinogradova: osnovnyye etapy formirovaniya* [Theoretical and Methodological Foundations of the Concept of the General Theory of Law by P.G. Vinogradoff: Main Stages of Formation] // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2016. N 11 (143). P. 10–13.

Bukatina G.E. *Nagrady imperatorskogo Moskovskogo universiteta* [Awards of the Imperial Moscow University] // *Nauka i zhizn'*. 2005. N 3. P. 22–26.

Ivanova T.N. *Vladimir Ivanovich Guerrier: portret rossiyskogo pedagoga i organizatora obrazovaniya* [Vladimir Ivanovich Guerrier: A Portrait of the Russian Teacher and Organizer of Education]. Cheboksary: Izdatel'stvo Chuvashskogo universiteta, 2009. 382 p.

Ivanova T.N., Myagkov G.P. *Shkola V.I. Guerrier: osnovnyye cherty i mesto v nauchnom prostranstve Rossii* [V.I. Guerrier's School: Main Features and Place in the Russian Scientific Space] // *Dialog so vremenem*. 2013. Issue 43. P. 165–185.

⁵⁴ Там же. Оп. 476. Д. 2. Л. 20 об.

Kiselev I.V. *Obshchiiy ustav imperatorskikh rossiyskikh universitetov ot 18 iyunya 1863 g.* [General Statute of the Imperial Russian Universities of 18 June 1863] // *Universum: obshchestvennyye nauki*. 2022. N 4 (83). P. 4–6.

Koreyeva N.S. *Zagranichnyye komandirovki i ikh rol' na puti k "nelegkomu i otvetstvennomu professorstvu"*: V.I. Guerrier [Foreign Trips and Their Role on the Way to "Not Easy and Responsible Professorship": V.I. Guerrier] // *Istoriya idey i vospitaniye istoriyey: Vladimir Ivanovich Guerrier* [History of Ideas and Education by History: Vladimir Ivanovich Guerrier] / Ed. by L.P. Repina. Moscow: IVI RAN, 2008. P. 84–94.

Kotova E.S., Shiryayeva S.V. *Vseobshchaya istoriya prava professora Pavla Gavrilovicha Vinogradova* [World History of Law by Professor Pavel Gavrilovich Vinogradoff] // *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 2015. N 4. P. 73–78.

Maksimova V.M. *Sistema upravleniya Moskovskim universitetom po ustavu 1863 g.* [The System of Administration at Moscow University under the 1863 Statute] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 21. *Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)*. 2017. N 2. P. 110–133.

Novikov M.V., Perfilova T.B. *Universitetskiy ustav 1863 g.: predely akademicheskogo samoupravleniya* [The 1863 University Statute: The Limits of Academic Self-Governance] // *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 2013. Vol. 1. N 4. P. 18–31.

O'Brien N. *"In Vino Veritas": Truth and Method in Vinogradoff's Historical Jurisprudence* // *Journal of legal history*. 2008. Vol. 29. N 1. P. 39–61.

Rechkovich S.A. *Politiko-pravovyye vzglyady Pavla Gavrilovicha Vinogradova* [Political and Legal Views of Pavel Gavrilovich Vinogradoff] // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series "Politologiya. Religiovedeniye". 2015. Vol. 13. P. 44–51.

Repina L.P. *Ot "istorii odnoy zhizni" k "personal'noy istorii"* [From the "History of One Life" to "Personal History"] // *Istoriya cherez lichnost': istoricheskaya biografiya segodnya* [History through Personality: Historical Biography Today] / Ed. by L.P. Repina. Moscow: Krug, 2005. P. 55–74.

Terra Europa: intellektual'noe prostranstvo moskovskikh istorikov vtoroj poloviny XIX veka [Terra Europa: Intellectual Space of Moscow Historians of the Second Half of the 19th Century] // Ed. by D.A. Tsygankov. Moscow: ROSSPEN, 2014. 671 p.

Terradas Saborit I. *Paul Vinogradoff (1854–1925) y la Antropología Jurídical // Ius fugit. Revista interdisciplinar de estudios histórico-jurídicos*. 2015. N 18. P. 11–43.

Tsygankov D.A. *Professor V.I. Guerrier i yego ucheniki* [Professor V.I. Guerrier and His Disciples]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 503 p.

Tsygankov D.A. *Seminar kak novoye yavleniye na istoriko-filologicheskoy fakul'tete Moskovskogo universiteta v 1860-ye — nachale 1870-kh gg.* [Seminar as a New Phenomenon at the Faculty of History and Philology at Moscow University in the 1860s and Early 1870s] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2023. N 1. P. 47–62.

Universitetskaya reforma 1863 goda v Rossii [University Reform in 1863 in Russia] / Compiled and introduced by V.A. Tomsinov. Moscow: Zertsalo, 2012. 480 p.

Zaytseva L.A. *Obshchiiy ustav universitetov 1863 g.: predystoriya, kharakteristika, znacheniyey* [The 1863 General Statute of Universities: Prehistory, Characterization, Significance] // *Lex Russica (Russkiy zakon)*. 2016. N 9 (118). P. 214–229.

Поступила в редакцию
3 марта 2023 г.